

КАРТЬЕ-БРЕССОН ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ФОТОГРАФИИ, НО ВЫХОДИТ НА ПАРИЖСКИЙ БУЛЬВАР С «ЛЕЙКОЙ»

Иллюстрация - 1994 - 1 окт. - с. 8.

Herald INTERNATIONAL Tribune

Газета «Интернэшнл геральд трибюн», США - Европа

Анри Картье-Брессон — человек из легенды. 86-летний Мастер — может быть, самый влиятельный в мире фотограф — настаивает на создании полной картины на месте действия. Без последующего технического вмешательства.

Фотокорреспондент, считает маэстро, должен поймать решающий момент снимка, в котором все элементы сцены находятся в гармонии. Интуиция гения, сообщающая бесшумно приходящему мгновению, помноженная на тонкое понимание природы человека, делает Картье-Брессона неподражаемым.

Серые глаза Мастера вспыхивают шальным огнем. Он, как всегда, остроумен, непредсказуем, приглашает к размышлению. «Я никогда не проявлял особого интереса к фотографии. Для меня кадр — скорее, мгновенный рисунок. И вообще, моя истинная страсть — рисование, живопись», — ошарашил он корреспондента.

Впрочем, его студия в центре Парижа словно подтверждает вызов Мастера. Рисунки — всюду. Единственное фото — мексиканский революционер в ожидании расстрела с вызовом смотрит на своих палачей — принадлежит не ему.

Живопись — первая любовь Картье-Брессона. Хотя интимные снимки с разных широт и меридианов сделали его знаменитым, он считает этот жанр «эпизодом в его жизни». Возвращение к мольберту в 70-е годы было для маэстро обретением себя после блуждания по иным дорогам.

Художественный взгляд на мир — его кредо. Родившийся в богатой семье текстильного фабриканта, он отказался участвовать в семейном бизнесе. Стал учиться живописи. Затем в поисках приключений отправился в Африку. Вернувшись в начале 30-х во Францию, купил свою первую «Лейку». Вдохновленный знаменитыми торсами африканцев на фоне волн (фотография Мункачи), так напоминавшими танцоров Матисса, он начал создавать фотообразы, которые и сегодня поражают воображение.

Затем его привлекло кино. Участвовал в съемках документальной ленты о жизни госпиталя в пору гражданской войны в Испании. В годы второй мировой войны снимает фильм об узниках фашистских концлагерей. Но все время мысленно возвращается к мольберту.

Зов неведомого мира бросает его сначала в Индию (он запечатлел страницы борьбы за независимость), затем в Китай (появилась серия репортажей о рождении на политической карте мира нового государства — КНР). Волнения, которые он испытывал в те решающие моменты истории, он назвал потом «ощущением человека с маленькой «Лейкой» в руках на гребне большой волны».

Картье-Брессон. «Поцелуй в бистро».

Из альбома «Великие фотографии».

И все-таки его вело не чувство репортера. «Меня сформировал сюрреализм, — замечает Мастер. — Нет, не картины сюрреалистов, а ощущение подсознательного, некое наитие». Картье-Брессон вспоминает в связи с этим слова Сезанна: «Если я начинаю анализировать, когда пишу картину, все рушится».

Картье-Брессон не любит подробно рассуждать о методе его творчества. Главное для него — быть невидимым для тех, кого он снимает (он даже

покрывал блестящие части камеры темной пленкой). Смешаться с толпой, «быть бабочкой, свободно летающей среди министров, президентов, мошенников, блудниц» — вот, на его взгляд, что такое истинный Картье-Брессон.

Две вещи занимают Мастера больше других. Художественное отношение к миру и волнение души. Первое для него словно структура, геометрия. Второе — то, чему нельзя научиться. В наши дни, размышляет Картье-Брессон,

есть книги на все случаи жизни («вас могут, например, научить сексу»). Но никто еще не открыл школу чувств.

Он все время рисует, пишет этюды — в студии, в Лувре. Отречение от фотографии? Но почему же, выходя на бульвар, он берет с собой «Лейку»? «На всякий случай, — замечает Мастер. — Люблю смотреть, смотреть, смотреть. Все время ищу тишину в человеке».

Юрий САВЕНКОВ.

Картье-Брессон Анри

1.10.94.